

Хань Мин спокойно перевёл взгляд с застывших на голографической панели цифр на правую руку Дун Яо, до сих пор крепко сжимавшую его запястье.

Сквозь смуглую кожу Восточного владыки явственно проступали вены. На среднем пальце, где полагалось сидеть Кольцу королевской власти — символу безраздельного господства над Восточным сектором, — ничего не было. Похоже, Дун Яо претила сама мысль сковывать себя холодным металлом. Без кольца уродливый рубец, пересекавший его ладонь, бросался в глаза ещё сильнее.

Этот глубокий шрам шёл через всю руку. Багровая отметина, въевшаяся в кожу вместе с застарелым запахом пороха и запекшейся крови, до сих пор напоминала о том, насколько отчаянной была та давняя схватка. Хань Мин помнил её во всех деталях, ведь год назад Дун Яо заработал это ранение, спасая его жизнь.

Это случилось в самом начале восхождения Дун Яо на престол, когда обречённые, загнанные в угол космические твари пошли в свою последнюю, самоубийственную контратаку. Многодневная непрерывная бойня истощила силы защитников. Ситуацию усложняло и то, что Хань Мин, как врожденный помощник, забирал на себя часть негативных эффектов Дун Яо. Ослабев от переутомления, он слишком поздно заметил зашедшего со спины монстра.

И за мгновение до того, как ядовитый костяной шип должен был пробить Хань Мину грудь, Дун Яо перехватил удар голыми руками.

За три года Хань Мин и сам не раз вытаскивал Дун Яо с того света. Он брал на себя отдачу от его смертельных ранений столько раз, что со счёту сбиться можно. Но в тот день всё было иначе.

Он пришёл к будущему владыке не из бескорыстных побуждений, у него с самого начала был свой расчёт. Знал ли об этом Дун Яо? Наверняка. И всё же на любую преданность Восточный владыка неизменно отвечал взаимностью — порой даже с лихвой.

Иначе Хань Мин не застрял бы в этом секторе на долгие три года.

Судя по всему, что они пережили вместе, их связывали узы если не искренней дружбы, то настоящей боевой верности. Они делили одну смерть на двоих. Но, несмотря на весь этот багаж и шрамы, уровень доверия Дун Яо застыл на издевательской отметке в пятьдесят единиц.

На миг Хань Мину захотелось горько, безудержно расхохотаться.

— О чём ты думаешь?

— Разве не очевидно? О тебе, — Хань Мин хоть и удивился пронизательности Дун Яо, но ни

капли не смутился. Он сказал чистую правду, прямо и без обиняков.

Он действительно думал о нём.

О том, какого чёрта этого человека так тяжело расположить к себе.

Все эти годы Хань Мин не щадил жизни, пахал как проклятый, а в последнее время и вовсе перешёл на круглосуточную работу. С какой стороны ни посмотри, Дун Яо невероятно повезло заполучить такого преданного соратника. И при всём этом — ни единого сдвига в доверии.

И почему? Неужели из-за его пёстрого прошлого с регулярной сменой покровителей, где он нигде не задерживался дольше трёх месяцев, а иногда сбегал уже через десять дней?

Что ж... Мысленно пробежавшись по своему впечатляющему послужному списку, Хань Мин решил применить классический подход выходцев из Северного сектора: поменьше винить себя, побольше — остальных.

Виноват тут исключительно Дун Яо с его параноидальной подозрительностью и запредельной силой.

Тогда, три года назад, Хань Мин просто дал ослепить себя его потенциалом и редким врождённым талантом. Сам же полез на эту амбразуру, выбрав самый крепкий орешек во всей Галактике.

Дун Яо был человеком-островом.

Неприступной скалой, заросшей дикими джунглями и колючим терновником, где не приживалось ни одно живое существо.

Интерес Хань Мина мгновенно угас.

— Пять минут истекли, — сухо обронил он. — Премного благодарен за щедрость.

В космическую эпоху средняя продолжительность жизни одарённых переваливала за пятьсот лет, а истинные владыки без труда доживали до тысячелетия. Ему самому едва исполнился двадцать один год. Три потерянных в Восточном секторе года — сущие пустяки, которые можно пережить без сожалений.

Если до конца года он так и не растопит этот лёд подозрительности, то, несмотря на все вложенные усилия, придётся уходить.

Чем сильнее нарастало раздражение внутри, тем ослепительнее становилась его улыбка.

Как назло, тучи на небе разошлись. Скрытое доселе солнце вспыхнуло с новой силой, заливая ярким светом пяточок у круглого стола. В этих резких лучах лицо Хань Мина казалось одновременно неувимым и до пугающего чётким.

Дун Яо хмуро сощурился, и его пальцы невольно сжались сильнее, впиваясь в запястье Хань Мина.

Пожалуй, тот был прав.

Солнце сегодня... и впрямь палило нещадно.

Мгновение — и Дун Яо разжал хватку, убрав руку прежде, чем Хань Мин успел опустить взгляд на покрасневшую кожу. Сделал он это так невозмутимо, словно и вовсе не прикасался к нему.

Впрочем, Хань Мин давно привык к капризам своего взбалмошного повелителя.

Не желая больше тратить время на разгадывание чужих эмоций, он молча развернулся и вышел из зала заседаний.

О том, какой взгляд Дун Яо провожал его спину, он старался не думать.

— Хань Мин!

Стоило ему переступить порог, как его окликнули снова.

Два навязчивых оклика подряд за столь короткое время вывели бы из себя любого, а уж Хань Мин покладистым характером никогда не отличался. Однако, узнав голос, он послушно замер на месте, поджидая говорившего.

К нему спешил Ань Ин — главный герой этой истории.

Насколько помнил Хань Мин, по сюжету романа их первая встреча должна была состояться именно сегодня. Но вот зачем Ань Ин решил подойти к нему лично, оставалось загадкой.

— Прости, я, должно быть, отвлекаю тебя? — Ань Ин приблизился, на секунду застыв в немом восхищении при виде Хань Мина, но тут же смущённо улыбнулся и поспешил извиниться.

Он не стал тратить время на пустую болтовню и сразу перешёл к делу:

— Ты весь этот месяц провёл в разъездах, так что мы вряд ли знакомы. Меня зовут Ань Ин, месяц назад меня приняли на должность дипломата в Восточный королевский дворец.

Юноша перевёл дыхание и продолжил:

— Местные сотрудники очень помогли мне освоиться на новом месте. Я хотел как-то отблагодарить их, но они в один голос твердили, что лишь берут пример с тебя. Мол, именно благодаря твоей поддержке они когда-то смогли быстро войти в курс дела. Ты для них непререкаемый авторитет, и они лишь стараются соответствовать.

— Особыми талантами я не блещу, разве что мастерить руками немного умею, — Ань Ин протянул ему небольшой предмет. — Вот, сделал на досуге жёрдочку для птиц. Надеюсь, тебе понравится...

Хань Мин опустил глаза на подарок.

Жёрдочка была сделана великолепно: глубокий угольно-чёрный цвет основы в сочетании с изящными бело-золотыми прожилками идеально соответствовал его вкусу.

Но главное — от неё исходил едва уловимый, свежий аромат хвои, безошибочно выдававший происхождение древесины.

Такая сосна росла исключительно в диких землях Северного сектора. Контраст антрацитовый коры и кипенно-белой хвои безумно нравился местным жителям. Со временем это дерево даже стало неофициальным символом севера.

Этот запах навевал воспоминания. Хань Мин, родившийся на севере, и его верный ручной попугай Гунчжу, которого он когда-то вытащил из тех гиблых мест, знали этот аромат наизусть.

Хань Мин заметил на подушечках пальцев Ань Ина крошечные свежие порезы — верный след кропотливой работы с деревом. Что и говорить, если бы за умение выбирать подарки ставили оценки, дипломат заслужил бы высший балл.

Даже без своего врождённого таланта «Очарование» этот парень далеко бы пошёл благодаря одному лишь уму и деликатности.

— Спасибо, — Хань Мин принял подарок.

Он и сам искал предлог сблизиться с главным героем, так что глупо было отвергать столь изящный жест вежливости.

Что касается скрытого подтекста в словах Ань Ина...

Плодить кланы и плести интриги в Восточном королевском дворце Хань Мин не собирался. В своё время он набрал нынешний штат администрации лишь потому, что кто-то должен был разгрести завалы в только что объединённом секторе. Была ли попытка Ань Ина втереться в доверие искренней или расчётливой — неважно. Хань Мин решил сделать вид, будто ничего не заметил, и при первой возможности перенаправить парня напрямую к Дун Яо.

Ань Ин оставался единственным чиновником во дворце, к назначению которого Хань Мин не имел никакого отношения.

Ситуация и без того балансировала на грани абсурда. Ещё немного, и Восточный сектор окончательно превратился бы в его личную вотчину, где слово Хань Мина весило больше королевских указов.

Помятуя о безупречной репутации Ань Ина и зная наперёд некоторые сюжетные ходы, Хань Мин достал из папки часть документов, которые только что забрал из зала заседаний, и протянул их новоиспечённому дипломату.

— В ближайшее время на дипломатическом поприще затишье. Но Восточный сектор только начинает оправляться после войны, дел невпроворот, и рабочих рук катастрофически не хватает. Я просматривал твоё личное дело и результаты тестов. Если есть желание и свободное время, возьми за эти отчёты.

Он многозначительно улыбнулся:

— В Восточном королевском дворце полно вакансий, и закон не запрещает совмещать должности.

Это не было спонтанным решением.

В первой книге того странного романа, что попал к нему в руки, Дун Яо и Ань Ину уделялось не так много места.

Если не считать короткой, смазанной романтической линии, где Ань Ин выступал в роли безвременно ушедшего «белого лунного света», сюжет крутился вокруг событий после гибели Дун Яо. Тогда на Восточный сектор вновь хлынули орды космических тварей, старая аристократия подняла голову, и Ань Ину пришлось использовать весь свой дипломатический дар, чтобы лавировать между фракциями и удерживать систему от окончательного краха.

Врождённый талант Ань Ина лежал далеко от боевых искусств, что для наводнённого монстрами сектора было фатально.

В книге при первом же выходе на передовую он получил тяжелейшие ранения, на всю жизнь оставшись болезненным и слабым. Поняв, что не сможет править железной рукой, как Дун Яо, Ань Ин пошёл на уступки и позволил изгнанным аристократам вернуться, надеясь использовать их армии для сдерживания чудовищ.

Для Восточного сектора это стало передышкой, но в долгосрочной перспективе решение походило на попытку утолить жажду ядом.

Хань Мин не дочитал ту историю до конца — слишком уж слащавыми и затянутыми оказались любовные интриги Ань Ина с его многочисленными фаворитами, а судьбе сектора авторы уделили от силы пару строк.

Да и плевать ему было на книжный финал. Книга — всего лишь бумага. Использовать её подсказки для выживания — разумно, но слепо верить каждому слову — чистейшее безумие.

Ничья судьба, а уж тем более судьба целого звёздного сектора, не может быть предрешена парой строчек на пожелтевших страницах.

Сейчас Хань Мином двигал голый прагматизм: он видел в Ань Ине идеального преемника.

Раз уж в оригинальной истории этот парень сумел удержать власть в разваливающемся секторе, значит, ума и хватки ему не занимать. Именно поэтому Хань Мин без зазрения совести переложил на него разборки со старой аристократией.

Быть бесплатным круглосуточным батраком ему осточертело.

Раз уж Ань Ин сам вызвался помочь, Хань Мин с удовольствием начнёт постепенно передавать ему бразды правления.

Удастся ли этим жестом усыпить бдительность Дун Яо? Сказать сложно, но попробовать стоило. В конце концов, худшее, что его ждало, — спешный побег из Восточного сектора с чемоданами в руках.

Сгрузив макулатуру на удивлённого юношу, Хань Мин зашагал прочь, оставив Ань Ина в полнейшей растерянности провожать его взглядом.

Врождённый талант Ань Ина, даже когда парень не применял его намеренно, наделял его невероятным обаянием. Окружающие инстинктивно проникались к нему симпатией и расслаблялись.

Благодаря этому первый месяц службы в Восточном королевском дворце прошёл как по маслу. Он быстро оброс связями и дружескими контактами, но чаще всего в частных разговорах с коллегами Ань Ин слышал отнюдь не обсуждение рабочих вопросов.

Все только и говорили, что о Хань Мине.

Особенно Ань Ину запомнился седьмой день его пребывания во дворце.

Торопясь по какому-то делу, он решил срезать путь через заброшенный Задний сад.

Нынешнему правителю Восточного сектора не было дела до ландшафтного дизайна — злые языки поговаривали, что Дун Яо вообще не интересовало ничего, кроме войны и кровопролития, — поэтому некогда ухоженные клумбы превратились в непроходимые дебри.

Продираясь сквозь буйные заросли львиного зева, Ань Ин нос к носу столкнулся с отдыхающим повелителем.

Несмотря на официальный статус придворного, до этого дня ему не доводилось видеть Дун Яо так близко.

Король сидел на каменной скамье. Половина его лица была залита ярким солнцем, а другая скрывалась в густой тени вековых деревьев. Он отрешённо созерцал колышущиеся на ветру цветы, погружённый в свои мысли.

Почуввав чужое присутствие, Дун Яо даже не поднял головы. Лишь одними губами тихо, почти благоговейно выдохнул имя:

— Хань Мин.

Ань Ин стремился в Восточный сектор не только из соображений выгоды — он искренне восхищался силой нового короля. Но стоило ему услышать это брошенное в пустоту имя, как он сразу понял: Хань Мин занимает в сердце грозного правителя особое, неприкасаемое место.

Однако одно дело — ценить соратника, и совсем другое — фактически отдать ему бразды правления над целым сектором.

Ань Ину тоже была не чужда амбициозность.

Как выходец из обедневшего дворянского рода Южного сектора, он прекрасно разбирался в придворных интригах. Оценив небывалое влияние Хань Мина в Восточном королевском дворце, Ань Ин мгновенно разглядел в этом лазейку для карьерного роста.

Он задумал красивый многоходовый план: преподнести Хань Мину подарок, втереться к нему в доверие, а затем, сыграв на неминуемых разногласиях между фаворитом и королём, переметнуться на сторону самого Дун Яо.

Но реальность безжалостно растоптала его амбициозные расчёты при первой же попытке.

Отказ Хань Мина принять его преданность лежал в пределах ожидаемого. Но зачем отвергший его фаворит тут же, без лишних вопросов, наделил его колоссальными полномочиями?

Что за чертовщина творится в этом дворце?!

Хань Мин не догадывался о душевных метаниях главного героя, да и дела ему до них не было.

Вернувшись в свои покои, он повесил новую жёрдочку в клетку и сразу же отправился в тренировочный зал. Мало скопировать чужие боевые навыки — нужно было научиться задействовать их потенциал на полную мощность.

Не будь он столь требователен к себе, его кости давно бы сгнили на задворках какой-нибудь безымянной планеты.

Изнурительная тренировка закончилась глубокой ночью. Хань Мин поднялся в свои апартаменты, принял душ и мгновенно провалился в сон.

Сквозь дрему до него доносился глухой, убаюкивающий шум ливня за окном.

«Так вот почему днём дышать было нечем, — лениво подумал он. — Небо копило силы для грозы».

Внезапно сквозь пелену сна пробился тихий, отчётливый щелчок открывающейся балконной двери.

Хань Мин нахмурился. Снаружи хлестал ливень. Неужели его домашний попугай Гунчжу решил примерить на себя роль буревестника и распахнул окно навстречу шторму?

Остатки сонливости мигом улетучились, стоило ему услышать тяжёлые, влажные шлепки дождевых капель по паркету.

Кто-то проник в его спальню прямо с улицы и теперь бесшумно приближался к кровати.

О том, кто именно мог явиться к нему в такой час, долго гадать не приходилось.

Хань Мин раздосадованно цыкнул сквозь зубы и зарылся лицом в подушку, решив притвориться спящим. Последнее, чего ему хотелось посреди ночи, — выслушивать экстренные донесения о перемещениях космических тварей.

Незванный гость намёка не понял. Он бесшумно остановился у самого изголовья. Спустя мгновение на тыльную сторону ладони Хань Мина легла чужая рука, насквозь пропитанная ночным холодом и сыростью.

Ледяное прикосновение обожгло кожу, словно укус зверя или кольца ядовитой змеи.

Игнорировать это было выше его сил.

— Убирайся... — прохрипел Хань Мин. Сонный голос звучал глухо и совсем не грозно.

Ночного визитёра это не остановило.

Хань Мин попытался высвободить руку, чтобы вытереть влагу, но пришелец лишь крепче перехватил его ладонь, медленно, палец за пальцем, переплетая со своими.

— Лин Чжоу! — Хань Мин резко распахнул глаза.

Он полагал, что его верная «Гончая» примчалась среди ночи с докладом о нападении на границах, но это переходило все границы дозволенного.

— Что ты творишь? — Хань Мин сердито уставился на мужчину сквозь полумрак спальни.

Ливень до нитки вымочил Лин Чжоу, его чёрные волосы прилипли к черепу, обнажая резкие, горделивые черты лица и мощный разворот плеч. Сильный, опасный хищник возвышался над постелью, источая волны первобытной угрозы.

Но ярче всего в темноте горели его золотые зрачки — холодные, лишённые каких-либо человеческих чувств.

И этот смертоносный монстр, не мигая, ровным тоном произнёс:

— Я пришёл обнять тебя.

<http://bllate.org/book/18306/1755312>